Исаева А.Н., Зайцева Ю.Е.
*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

doi: 10.18411/lj2015-12-8

Временная перспектива и смысложизненные ориентации молодых людей с различными стратегиями конструирования идентичности

Ключевые слова: идентичность, стиль идентичности, временная перспектива, экзистенциальные установки, смысложизненные ориентации

Keywords: time perspective, identity style, commitment

Современное состояние проблемы

В течение долгого времени считалось, что благополучное разрешение кризиса идентичности в подростковом возрасте является основой для развития способности к построению жизненных планов и целей во времени, достижения внутренней тождественности, а также определенности в ожиданиях от окружающего мира (Эриксон, 1996).

Однако некоторые авторы указывают, что в связи со значительными социально-культурными изменениями, происходящими в последние десятилетия во многих западных странах (например, отсрочка завершения обучения, вступления в брак и достижения финансовой независимости (Arnett, 2010; Fadjukoff, Kokko, Pulkkinen, 2007)), переход к взрослости откладывается для многих молодых людей до середины третьего десятилетия жизни, существенно продлевая фазу исследования и подготовки к принятию взрослых ролей

(Schwartz, Côté, & Arnett, 2005). Кроме того, некоторые авторы сходятся во мнении, что формирование идентичности выходит далеко за рамки задачи определенного возрастного этапа. Проблема приобретения чувства идентичности начинает рассматриваться ими как не заканчивающаяся жизненная задача, требующая определенной стратегии самоконструирования. Происходит смена теоретических представлений: от понимания «я» как интегрирующего «ядра» личности к идее о постоянно изменчивом, множественном и вариативном характере «я». (Белинская, 2015).

Поэтому наше исследование направлено на изучение, каким образом человек в ситуации отсутствия не только «внешней», но и «внутренней» определённости, строит отношения с миром, со своим прошлым и будущим; способен ли он ощущать контроль над собственной жизнью и воспринимать свою жизнь как целенаправленную и осмысленную.

Результаты, полученные в нашем исследовании, могут не только пролить свет на проблему процесса конструирования идентичности в современном западном обществе, но и быть применены в сфере прикладной психологии, например, в качестве основы для разработки программ психокоррекционных и психотерапевтических практик в вопросах самоопределения и самосознания.

Стратегии самоконструирования и приверженность идентичности

Согласно М. Берзонскому, достижение, или приверженность, идентичности – это изменяющийся в течение жизни конструкт, отражающий меру уверенности человека в том, что он нашел ответы на ключевые вопросы, определился с системой значимых жизненных ценностей и в данный момент не планирует ее смену (Berzonsky & Adams, 1999). Помимо этого, по мнению М. Берзонского, приверженность идентичности может выполнять не только функцию самоопределения и самокатегоризации, но и Я-определяющую функцию, т.е. способствовать возникновению у человека ощущения осмысленности, целенаправленности и значимости его жизни (Berzonsky & Adams, 1999).

Вместе с определенной степенью приверженности, человек использует различные стратегии самоконструирования, одна из которых может становиться преобладающей и складываться в когнитивно – социальный стиль конструирования идентичности, характеризующийся определенным образом выстраивания отношений с информацией, значимой для «я» человека. Выделенные М. Берзонским три стиля идентичности отличаются друг от друга разными подходами к ориентации в релевантной информации и действиями с ней в ситуации выбора: информационный стиль связан с активным поиском и получением максимума информации в случае ситуации выбора; нормативный стиль ориентирован на выбор уже известных, готовых ответов и решений, принимаемых социальным окружением; диффузно-избегающий стиль характеризуется ситуационным формулированием ответов, склонностью к последовательному отказу от определенности. Таким образом, три стиля идентичности отличаются друг от друга количественно (в зависимости от наличия и степени активности исследования и поиска информации (разрешения кризиса) и качественно (например, относительно причины отсутствия исследования) (Bosch, Card, 2012).

Большинство эмпирических данных свидетельствуют о наличии положительной взаимосвязи приверженности с информационным и нормативным стилем идентичности, и отрицательной – с диффузно-избегающим стилем. Тем не менее анализ исследований показал, что величины обнаруженных взаимосвязей колеблются в широких пределах (например, Casey, 2006; Dollinger, Dollinger, & Centeno, 2005; Berzonsky, 1989; Streitmatter, 1993). Кроме того, выборку большинства исследований составляют подростки и студенты колледжей младших курсов США, что исключает возможность анализа возрастных и межкультурных различий данных взаимосвязей (Bosch, Card, 2012).

Также наблюдается заметный пробел в данных о взаимосвязях со шкалой «Я-определяющая приверженность», которая была разработана и включена в

последний вариант опросника измерения идентичности – Identity Style Inventory (ISI – 5) только в 2013 году (Berzonsky и др., 2013).

В настоящем исследовании мы включили в выборку респондентов возрастных периодов юности и ранней взрослости, и предполагали наличие положительной взаимосвязи между информационным, нормативными стилями и шкалой приверженности, и отрицательной – с диффузно-избегающим стилем. Помимо этого, мы ожидаем, что я-определяющая приверженность будет положительно взаимосвязана с информационным и нормативным стилями, и отрицательно – с диффузно-избегающим.

Экзистенциальные установки личности и приверженность идентичности

Данные эмпирических исследований свидетельствуют о том, что лица, не имеющие сформированной идентичности, находятся в группе риска по ряду поведенческих и личностных проблем, включая академические трудности и негативное отношение сверстников (Berzonsky, Kuk, 2005), низкую самооценку и депрессию (Nurmi, Berzonsky, Tammi, Kinney, 1997), расстройство пищевого поведения (Wheeler, Adams, Keating, 2001), проблемы с наркотиками и алкоголем (Jones, Ross, Hartmann, 1992), и расстройства поведения (Adams, Munro, Doherty-Poirer, Munro, Petersen, Edwards, 2001). Также считается, что сформированные ценности, убеждения и цели могут выступать в роли руководящих принципов, облегчающих процесс принятия важных решений в жизни. Их же отсутствие вмешивается в данный процесс, вызывая у человека ощущение апатии и двойственности (Эриксон, 1996).

Тем не менее, по нашему мнению, недостаточным образом изучено, в какой мере приобретение и создание системы ценностей и убеждений связано с наличием жизненных смыслов и особенностями формирования установок относительно себя, мира и взаимоотношений с ним.

В нашем исследовании мы планировали проанализировать логику

взаимосвязей между такими экзистенциальными установками, как жизнестойкость и осмысленность жизни, с приверженностью идентичности. Данные экзистенциальные установки мы рассматриваем в качестве особенностей выстраивания отношений с окружающим миром, проявляющиеся в способах реагирования и выстраивания поведения в ситуациях принятия жизненно важных решений.

Согласно С. Мадди, жизнестойкость – это совокупность установок относительно себя, мира и взаимоотношений с ним, позволяющих справляться с трудными жизненными ситуациями (Леонтьев, Рассказова, 2006). По его мнению, способность преодолевать стресс и жизненные кризисы связана: с заинтересованностью в происходящем и активным участие человека в разрешении проблемы; сохранением значимых контактов с людьми; уверенностью человека в возможности повлиять на ситуацию благодаря борьбе с обстоятельствами жизни; представлением о том, что изменения являются естественными результатом развития жизни, и именно они способны привести к ее более глубокому пониманию (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Мы ожидаем, что приверженности и я-определяющая приверженность будут связаны как с общим показателем жизнестойкости, так и с отдельными ее составляющими.

Смыслжизненные ориентации - экзистенциальное переживание человеком онтологической значимости собственной жизни благодаря восприятию своей жизни как интересной и эмоционально насыщенной, удовлетворенностью самореализацией, наличие значимых целей в будущем, а также представлению о себе как о человеке, способном выстраивать свою жизнь согласно своим целям и мировоззренческим взглядам (Леонтьев, 2000).

В настоящем исследовании мы предположили, что приверженность и я-определяющая приверженность будут положительно взаимосвязаны с общей осмысленностью жизни и с её составляющими.

Временная перспектива личности, стили конструирования идентичности и приверженность идентичности

Без осмысления и интеграции «прошлого я» молодой человек не способен спроецировать «я» на свое будущее и сформировать дальнейший жизненный путь (Эриксон, 1996). Временная перспектива может использоваться людьми для формирования ожиданий, целей, жизненных планов, и таким образом стать основой для конструирования идентичности (D'Alessio et al., 2003; Keough et al., 1999; Nurmi et al., 1995; Seginer, Vermulst, Shoyer, 2004). Тем не менее, анализ литературы показал, что данная тема до сих пор остается мало изученной. Наш анализ взаимосвязей временной перспективы и конструирования идентичности может внести существенные дополнения в теоретические представления о данном явлении.

Согласно анализу теоретических моделей идентичности и временной перспективы и изучению эмпирических данных нами были сформулированы следующие гипотезы.

Во-первых, мы предположили, что временная перспектива, ориентированная на будущее, будет положительно взаимосвязана с информационным и нормативным стилями идентичности, приверженностью и я-определяющей приверженностью, и отрицательно взаимосвязана с диффузно-избегающим стилем. В качестве характерных особенностей лиц, ориентированных на будущее, выделяют высокий уровень сознательности и эффективности, стремление к последовательности и анализу будущих последствий принятых решений (Zimbardo & Boyd, 1999). Данные особенности могут приводить к сознательному поиску ответов на ключевые вопросы, активному исследованию различных возможностей. Нормативный стиль идентичности, который характерен для лиц, придающих большое значение нормам, предписаниям и ближайшему окружению, может быть связан с временной перспективой будущего благодаря наличию в массовой культуре образа эффективного человека, нацеленного на результат, который является в

некотором роде нормативным эталоном во многих западных странах. Также, согласно эмпирическим данным, сознательность, которая имеет взаимосвязь с временной перспективой будущего (Zimbardo & Boyd, 1999), значимо взаимосвязана и со статусом достижения идентичности, и с умеренной активностью поиска возможных альтернатив для самокатегоризации (Luuskx, Soenens, Goossens, 2006). Кроме того, мы предполагаем, что преобладание диффузно-избегающей стратегии, для которой характерен отказ от определенности, будет входить в противоречие с построением долгосрочных планов и планированием будущего (Kerpelman, Mosher, 2004; Pulkkinen, Rönkä, 1994).

Во-вторых, мы предположили, что обе ориентации на настоящее - и особенно фаталистическое настоящее – будут положительно взаимосвязаны с диффузно-избегающим стилем, и отрицательно – со шкалами приверженности. Лица с преобладанием временной перспективы настоящего либо предпочитают получение удовлетворения здесь и сейчас (гедонистическое настоящее), либо не верят в свою способность управлять собственным будущим и жизнью в целом (фаталистическое настоящее). Мы предположили, что выбор диффузно-избегающей стратегии и последовательный отказ от решения вопросов, касающихся идентичности, может быть основан на восприятии своего будущего как менее значимого по сравнению с настоящим или в следствие отсутствия у человека представления о связи между настоящим и будущим.

И наконец, мы ожидали, что ориентация на позитивное прошлое, также будет взаимосвязана с нормативным стилем. Позитивное прошлое, характеризующееся живым, ностальгическим, позитивным воспоминанием прошлых событий, может быть связано с принятием ценностей, идеалов и стилей жизни, которые были ему представлены. Кроме того, у перспективы позитивного прошлого не наблюдалось, в отличие от перспективы будущего и настоящего, значимых корреляций с такими конструктами, как стремление к новизне и острым ощущениям (Зимбардо, Бойд, 2010). В свою очередь, согласно

эмпирическим данным, нормативный стиль связан с низкой степенью открытости новому и высокой степенью консерватизма (Berzonsky, 1990, 1992; Berzonsky, Kuk, 2000; Soenens, Duriez, и др, 2005).

В соответствии с поставленной целью и выдвинутыми гипотезами нами были сформулированы следующие **задачи исследования**:

1. Проанализировать величины взаимосвязей между стилями конструирования идентичности и приверженностью идентичности у людей подросткового, юношеского возрастных периодов и периода ранней взрослости, проанализировать гендерную специфику;
2. Проанализировать взаимосвязи приверженности идентичности и экзистенциальных установок личности (жизнестойкость, смысложизненные ориентации);
3. Проанализировать взаимосвязи стилей идентичности, приверженности идентичности и временной перспективы личности.

Выборка эмпирического исследования

Всего в настоящем исследовании приняли участие на добровольной основе 427 человек (279 женщин (65,3 %), 148 мужчин (34,7%)). Возраст варьировался от 14 до 34 лет ($M = 19,73$; $SD = 3,55$). Распределение выборки относительно возраста: подростковый возраст (14 – 17 лет) составляет 16,2%, юношеский возраст (17 – 19 лет) – 39,8%, период ранней взрослости или «вхождение во взрослость» («emerging adulthood», Arnett, 2010) (20 – 34 лет) – 44 %.

Методы эмпирического исследования

Эмпирическое исследование включало в себя опросные методы измерения: стилей идентичности и приверженности (Identity Style Inventory – 5 (ISI – 5) (Berzonsky, 2013; Зайцева, Исаева, 2015); временной перспективы личности (опросник временной перспективы Зимбардо (The Zimbardo Time

Perspective Inventory (ZTPI) (Митина, Сырцова, 2008); и экзистенциальных установок (тест жизнестойкости С. Мадди (Леонтьев, Рассказова, 2006), тест смысложизненных ориентаций (Леонтьев, 2000)).

Методы обработки данных: анализ средних значений и распределения частот, коэффициент корреляции r -Пирсона, коэффициент корреляции r -Спирмена; непараметрический критерий U-Манна-Уитни.

Расчеты проводились с помощью программы IBM SPSS Statistics 20.

Результаты эмпирического исследования

Нами была проведена культурно-языковая адаптация и валидизация опросника Identity Style Inventory (ISI – 5) М. Берзонского (Зайцева, Исаева, 2015). Средние значения и стандартные отклонения представлены в Таблице 1. Анализ с помощью критерия U-Манна-Уитни показал, что статистически достоверных различий в средних значениях и стандартных отклонениях между мужчинами и женщинами не было обнаружено. Однако такой результат может быть следствием нерепрезентативности выборки (существенного преобладания девушек по сравнению с юношами) и требует дальнейшего анализа.

Таблица 1. Средние значения и стандартные отклонения для адаптированной версии методики Identity Style Inventory (ISI – 5) (N = 349)

Шкалы	По всей выборке		Юноши		Девушки	
	M	SD	M	SD	M	SD
Информационный стиль	3.84	0.62	3.84	0.64	3.85	0.62
Нормативный стиль	2.89	0.65	2.88	0.68	2.81	0.63
Диффузно-избегающий стиль	2.39	0.69	2.45	0.73	2.45	0.67
Степень приверженности	3.58	0.78	3.55	0.79	3.60	0.77
Я-определяющая приверженность	3,66	0.93	3.69	0.88	3.65	0.96

Примечание: M - среднее; SD – стандартное отклонение. N = 349

Нами также был проведен анализ взаимосвязей стилей конструирования

идентичности и шкал приверженности (степенью приверженности и я-определяющей приверженности) (табл. 2).

Нами были обнаружены статистически значимые взаимосвязи всех трёх стилей идентичности с двумя шкалами приверженности. Нам показалось интересным, что коэффициенты корреляций информационного, нормативного стилей с приверженностью идентичности были немного ниже, чем коэффициенты данных стилей с я-определяющей приверженностью. Одновременно с этим коэффициент корреляции диффузно-избегающего стиля с приверженностью идентичности был существенно выше коэффициента корреляции стиля с я-определяющей приверженностью.

Таблица 2.

Результаты корреляционного анализа стилей идентичности и шкал приверженности (коэффициент корреляции Пирсона) (N = 427)

Шкалы	Степень приверженности	Я-определяющая приверженность
Информационный стиль	,287***	,349***
Нормативный стиль	,283***	,354***
Диффузно-избегающий стиль	-,608***	-,379***
Степень приверженности		,563***

Примечания: N = 427; при *** $p < 0,001$

Полученные результаты совпадают с результатами других исследований. Так, в мета-анализе исследований взаимосвязей стилей идентичности и приверженности за 20 лет (N = 6563), проведенном Л. А. Бош и коллегами, были обнаружены (Bosch, Card, 2012) значимые положительные взаимосвязи между приверженностью идентичности и информационным стилем ($r = 0,35$, $p < 0,001$), нормативным стилем ($r = 0,41$, $p < 0,001$); а также отрицательная взаимосвязь между приверженностью идентичности и диффузно-избегающим стилем ($r = -0,39$, $p < 0,001$).

Между шкалами «степень приверженности» и «я-определяющая приверженность» также наблюдалась средняя положительная взаимосвязь, что соответствует теоретической модели, разграничивающей две разные функции идентичности: самокатегоризацию, самоопределение и приобретение ощущения осмысленности, целенаправленности жизни.

Таблица 4.

Результаты корреляционного анализа между шкалами приверженности и экзистенциальными установками личности (коэффициент корреляции Спирмена) (N = 60)

Шкалы	Степень приверженности	Я-определяющая приверженность
Цели в жизни	,569***	,407**
Процесс жизни		
Результативность жизни		
Локус контроля - я	,404**	,290*
Локус контроля - жизнь		
Общая осмысленность жизни	,318*	
Вовлеченность	,299*	
Контроль	,304*	,335**
Принятие риска		
Общая жизнестойкость	,317*	,336**

Примечания: N = 60; при * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

В результате анализа (N = 60) (табл. 4) были обнаружены значимые положительные взаимосвязи двух шкал приверженности с некоторыми смысложизненными ориентациями: «цели в жизни», «локус контроля – я». Можно сделать вывод, что человек со сформированными ценностями, идеалами и смыслами, способен также чувствовать, что он может реализовывать их в своей жизни (шкала «локус контроля – я»), и, кроме того, видеть дальнейшую перспективу и направленность жизни благодаря выбранным целям и планам (шкала «цели в жизни»).

Также была обнаружена значимая положительная взаимосвязь на уровне тенденции между общей осмысленностью жизни и степенью приверженности, однако не было обнаружено значимой взаимосвязи между я-определяющей

приверженностью и общей осмысленностью жизни, что показалось нам неожиданным результатом.

Как и ожидалось нами, были обнаружены статистически значимые положительные взаимосвязи между общей жизнестойкостью и двумя шкалами приверженности. Однако были обнаружены взаимосвязи не со всеми составляющими жизнестойкости. Так, были обнаружены значимые положительные взаимосвязи между шкалами приверженности и субъективной уверенностью человека в возможности повлиять на ситуацию благодаря борьбе с обстоятельствами жизни (шкала «контроль»), но не было обнаружено значимых взаимосвязей между шкалами приверженности и экзистенциальной установкой, согласно которой любые жизненные перемены воспринимаются как возможность для развития и более глубокого понимания мира, реализующуюся в готовности человека предпочитать изменения вместо благополучия (шкала «принятие риска»).

Наиболее интересным результатом нам здесь кажется обнаружение наличия взаимосвязи между приверженностью и экзистенциальной установкой, реализующейся в заинтересованности в происходящем и сохранении контактов со значимыми людьми (шкала «вовлеченность»); при одновременном отсутствии обнаружения значимой взаимосвязи данной установки с я-определяющей приверженностью.

Как и ожидалось нами, были обнаружены статистически значимые средние взаимосвязи временной ориентации «будущее» со всеми стилями идентичности и с обеими шкалами приверженности, а также взаимосвязь временной перспективы позитивного прошлого с нормативным стилем ($N = 124$) (табл. 5).

Таблица 5.

*Результаты корреляционного анализа временной перспективы и стилей
идентичности, временной перспективы и приверженности (N = 124)*

Шкалы	1	2	3	4	5
Информационный стиль			0,475***		
Нормативный стиль			0,409***	0,310***	
Диффузно-избегающий стиль	0,248**		- 0,491***		0,302**
Степень приверженности	- 0,299**		0,404***		- 0,177*
Я – определяющая приверженность			0,388***	0,223*	

Примечание: 1 – негативное прошлое; 2 – гедонистическое настоящее; 3 – будущее; 4 – позитивное прошлое; 5 – фаталистическое настоящее.

N = 124; при *p < 0,05; **p < 0,01; ***p < 0,001

Нам показались довольно интересными обнаруженные взаимосвязи ориентации «негативное прошлое» с диффузно-избегающим стилем (положительно) и со степенью приверженности (отрицательно). Подобным образом временная перспектива «фаталистическое настоящее» также была взаимосвязана как с диффузно-избегающим стилем (положительно), так и со степенью приверженности (отрицательно). Можно предположить, что выбор и закрепление диффузно-избегающей стратегии имеет два качественно отличающихся друг от друга основания, которые в конечном итоге не способствуют достижению идентичности. В первом случае это связано с общим негативным взглядом на прошлое, переживанием страдания, боли и сожаления о произошедшем. Второе основание – уверенность в невозможности контролировать собственное будущее, беспомощное, фаталистическое и безнадежное к нему отношение.

Неожиданным нам показалась обнаруженная на уровне тенденции положительная связь между временной перспективой позитивного прошлого, отличительной особенностью которой является положительная реконструкция произошедшего, с я-определяющей приверженностью.

Полученные результаты совпадают с результатами других исследований. Так, в коротком лонгитюдном исследовании, изучающем взаимосвязь временной перспективы и конструирование идентичности у американских студентов колледжей (Luuskx и др., 2010), были обнаружены взаимосвязи: положительная взаимосвязь фаталистического настоящего с приверженностью ($r = 0,32$; $p < 0,001$;) и с диффузно-избегающим стилем идентичности ($r = 0,47$; $p < 0,001$). Перспектива будущего была положительно связана с приверженностью ($r = 0,29$; $p < 0,001$) и информационным стилем ($0,44$ при $p < 0,001$); отрицательно с диффузно-избегающим стилем ($r = 0,33$; $p < 0,001$). Некоторые из данных связей значительно отличались в двух замерах (с интервалом в 4 месяца), $\Delta\text{SBS-}\chi^2(12) = 30.96$, $p < 0,01$; $\Delta\text{CFI} = 0,01$; $\Delta\text{NNFI} > 0,02$. Вспомогательный анализ показал, что корреляции между фаталистическим настоящим и показателями идентичности были несколько иными в зависимости от замера ($\Delta\text{SBS-}\chi^2(4) = 16.93$, $p < 0,01$; $\Delta\text{CFI} = 0,01$; $\Delta\text{NNFI} > 0,02$); а также между гедонистическим настоящим и показателями идентичностью ($\Delta\text{SBS-}\chi^2(4) = 3.74$, $p = 0,44$; $\Delta\text{CFI} < 0,01$; $\Delta\text{NNFI} < 0,01$). Между перспективой будущего и показателями идентичности ($\Delta\text{SBS-}\chi^2(4) = 4.77$, $p = 0,31$; $\Delta\text{CFI} < 0,01$; $\Delta\text{NNFI} = 0,01$) существенно не отличались.

Помимо этого, в их исследовании были обнаружены взаимосвязи, которые мы не обнаружили в нашем исследовании: между перспективой гедонистического настоящего и диффузно-избегающий стилем ($0,20$; $p < 0,01$); фаталистическим настоящим и информационным стилем ($r = -0,14$; $p < 0,05$). Данными авторами не проверялись гипотезы о наличии связей с временной перспективой прошлого.

Выводы и заключение

В ходе исследования была получена корреляционная модель взаимосвязей трех стилей идентичности и приверженности сформированным взглядам, которые позволяют уточнить полученные на зарубежном материале данные.

Степень приверженности оказалась тесно связана с общей осмысленностью жизни у подростков и молодых людей. Было обнаружено, что людей, обладающих высокой степенью приверженности идентичности и я-определяющим ее характером, отличает наличие явных целей в жизни и представление о себе как о человеке, способном построить свою жизнь в соответствии с ними. У них также были обнаружены высокие показатели жизнестойкости и уверенности в собственных возможностях повлиять на ситуацию даже в трудных жизненных ситуациях. Кроме того, высокая степень приверженности была связана с практикой активной вовлеченности в собственную жизнь и взаимодействие с другими людьми.

Временная перспектива будущего показала равную и выраженную положительную связь с предпочтением информационной и нормативной стратегии конструирования идентичности и отрицательную взаимосвязь с выбором диффузно-избегающей стратегии. Высокая степень приверженности и ее я-определяющей способности также характерны для людей с ориентацией на будущее. Диффузно-избегающая стратегия и низкая степень приверженности были характерны для людей с временной ориентацией на негативное прошлое или фаталистическое настоящее. Временная перспектива позитивного прошлого отличалась нормативной стратегией конструирования идентичности и я-определяющей приверженностью.

Известно, что общая осмысленность жизни и уровень жизнестойкости являются значимыми факторами качества жизни. Выявленная связь со стратегиями конструирования идентичности и степенью приверженности определенной ее модели, заставляют нас иначе взглянуть на проблему трудностей в самоопределении, как не только на затруднения роста и реализации будущего потенциала, но и как на потенциальную угрозу качеству жизни и субъективному благополучию в настоящем.

Работа с моделью временной перспективы, опосредующей как процессы конструирования идентичности, так и установки смысложизненной ориентации,

может быть использована как инструмент локальной психокоррекции и консультирования, а в перспективе – коучинга и сопровождения индивидуальности как экзистенциального субъекта жизненного пути в целом.

Литература:

1. Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 07.11.2015).
2. Зимбардо Ф.Дж., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб, 2010.
3. Исаева А. Н., Зайцева Ю. Е. Временная перспектива у лиц с различными стилями конструирования личностной идентичности // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ // СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2015. С. 48 – 56.
4. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М., 2000.
5. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. Методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. Предназначается для профессиональных психологов-исследователей и практиков. М., 2006.
6. Митина О. В., Сырцова А. Опросник по временной перспективе Ф. Зимбардо (ZTPP): результаты психометрического анализа русскоязычной версии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. 2008. С. 67–90.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
8. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
9. Adams, G. R., Munro, B., Doherty-Poirer, M., Munro, G., Petersen, A. M. R., & Edwards, J. Diffuse-avoidance, normative, and informational identity styles: using identity theory to predict maladjustment // Identity. 2001. № 1. P. 307–320.
10. Arnett, J. J. High Hopes in a Grim World: Emerging Adults' Views of their Futures and "Generation X" // Youth & Society. 2010. № 31 (3). P. 267-286. doi: 10.1177/0044118X00031003001
11. Arnett, J. J. Emerging Adulthood // American Psychologist Association, Inc. 2010. № 55. P. 469–480. doi: 10.1037//0003-066X.55.5.469

12. Berzonsky, M. D. Identity style: conceptualization and measurement // *Journal of Adolescent Research*. 1989. № 4. P. 267–281.
13. Berzonsky, M. D. Self-construction over the life-span: A process perspective on identity formation // *Advances in personal construct psychology*. 1990. № 1. P. 155-186
14. Berzonsky, M. D. Identity style and coping strategies // *Journal of Personality*. 1992. № 60. P. 771-788
15. Berzonsky, M., Kuk, L. S. Identity status, identity processing style, and the transition to university // *Journal of Adolescent Research*. 2000. № 15. P. 81–98.
16. Berzonsky, M. D., Soenens B., Luyckx, K., Smits I., Papini D. R., Goossens L. Development and Validation of the Revised Identity Style Inventory (ISI-5): Factor. Structure, Reliability, and Validity // *Psychological Assessment*. 2013. № 25 (3). P. 893-904 doi: 10.1037/a0032642
17. Berzonsky M. D., Adams G. R. Reevaluating the identity status paradigm: Still useful after 35 years // *Developmental Review*. 1999. № 19. P. 557–590.
18. Bosch L.A., Card N.A. A meta-analytic review of Berzonsky's Identity Style Inventory (ISI) // *Journal of adolescence*. 2012. № 35. P. 333-343
19. Casey, P. Identity and creativity among adolescents with learning disabilities. Unpublished dissertation, Southern Illinois University, Carbondale, 2006. 132 p.
20. D'Alessio, M., Guarino, A., De Pascalis, V., & Zimbardo, P. G. Testing Zimbardo's Stanford Time Perspective Inventory (STPI) – Short Form: An Italian study // *Time and Society*. 2003. № 12. P. 333-347.
21. Dollinger, S. J., Dollinger, S. M. C., & Centeno, L. Identity and creativity // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2005 № 5. P. 315–339.
22. Fadjukoff, P., Kokko, K., & Pulkkinen, L. Implications of timing of entering adulthood for identity achievement // *Journal of Adolescent Research*. 2007. № 22 (5) P. 504-530.
23. Jones, R. M., Ross, C. N., & Hartmann, B. R. An investigation of cognitive style and alcohol/work related problems among naval personnel // *Journal of Drug Education*. 1992. № 22. P. 241–251.
24. Kerpelman, J. L., & Mosher, L. S. Rural African American adolescents' future orientation: The importance of self-efficacy, control and responsibility, and identity development // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2004. № 4. P. 187-208.
25. Keough, K. A., Zimbardo, P. G., & Boyd, J. N. Who's smoking, drinking, and using drugs? Time perspective as a predictor of substance abuse // *Basic and Applied Social Psychology*. 1999. № 21. P. 149-164.

26. Luyckx K., Lens W., Smits I., Goossens L. Time Perspective and Identity Formation: Short-Term Longitudinal Dynamics in College Students // *International Journal of Behavioral Development*. 2010. № 34. P. 238–247
27. Luyckx, K., Soenens, B., & Goossens, L. The personality-identity link in emerging adult women: Convergent findings from complementary analyses // *European Journal of Personality*. 2006. № 20. P. 195-215.
28. Nurmi, J. E., Berzonsky, M. D., Tammi, K., & Kinney, A. Identity processing orientation, cognitive and behavioral strategies and well-being // *International Journal of Behavioral Development*. 1997. № 21. P. 555–570.
29. Nurmi, J.-E., Poole, M. E., & Seginer, R. Tracks and transitions: A comparison of adolescent future-oriented goals, explorations, and commitments in Australia, Israel, and Finland // *International Journal of Psychology*. 1995. № 30. P. 355-375.
30. Pulkkinen, L., & Rönkä, A. Personal control over development, identity formation, and future orientation as components of life orientation: A developmental approach // *Developmental Psychology*. 1994 № 30. P. 260-271.
31. Schwartz, S. J., Côté, J. E., & Arnett, J. J. Identity and agency in emerging adulthood: Two developmental routes in the individualization process // *Youth and Society*. 2005. № 37. P. 201-229.
32. Seginer, R., Vermulst, A., & Shoyer, S. The indirect link between perceived parenting and adolescent future orientation: A multiple-step model // *International Journal of Behavioral Development*. 2004. № 28. P. 365-378.
33. Soenens, B., Duriez, B., & Goossens, L. Social-psychological profiles of identity styles: Attitudinal and social-cognitive correlates in late adolescence // *Journal of Adolescence*. 2005. № 28. P. 107-125.
34. Streitmatter, J. Identity status and identity style: a replication study // *Journal of Adolescence*. 1993. № 16. P. 211–215.
35. Wheeler, H. A., Adams, G. R., & Keating, L. Binge eating as a means for evading identity issues: the association between an avoidance identity style and bulimic behavior // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2001 № 1. P. 161–178.
36. Zimbardo P. G. & Boyd J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. N 77(6). P. 1271–1288.